

Глава 25

Когда Цзян Сяои вернулся, Бай Цзыму всё понял. Сейчас, не слыша никакого шума, он слез с кровати и подошёл к двери. Цзян Сяои всё ещё сидел во дворе.

Он обхватил колени руками и уткнулся в них лицом. Его сгорбленная спина казалась худой и маленькой, сквозь одежду даже проступали очертания позвонков.

Деревенские жители ложились спать рано. Вокруг не было слышно людских голосов, лишь изредка с рисовых полей доносилось кваканье лягушек.

Лунный свет был холодным. Двор — тихим.

Всхлипывания, хоть и сдерживаемые, прерывистые, всё же были отчётливо слышны.

Цзян Сяои плакал.

Вероятно, он сожалел и глубоко винил себя. Если бы он не был таким импульсивным, может, с Цзян Сяоэром ничего бы не случилось? Может, тот не лежал бы у него на руках, не откликаясь на зов?

Но разве молодые люди не бывают импульсивны? Девятнадцатилетние юноши в большинстве своём полны энтузиазма, смелы, бесстрашны и не думают о последствиях. Нельзя ожидать от них зрелости и рассудительности взрослого человека.

Цзян Сяои закрыл глаза. Казалось, он до сих пор чувствует запах крови. Он не ожидал, что Цзян Сяоэр бросится вперёд... Если бы Цзян Сяоэр...

Он раз за разом бил себя по голове. Сожаление захлестнуло его, словно нож, вонзившийся в его хрупкую грудь, который безжалостно поворачивали и дёргали, причиняя невыносимую боль.

Внезапно его запястье кто-то схватил.

Цзян Сяои ошеломлённо поднял голову. У него были красивые глаза с чуть расширенными к уголкам веками, что придавало ему невинный вид. Сейчас его глаза покраснели, и он выглядел как жалкий котёнок, вызывая необъяснимое желание приласкать.

Бай Цзыму, разглядев в его глазах тревогу и уязвимость, почувствовал, как в груди зародилось странное чувство.

Цзян Сяои взглянул на Бай Цзыму и вдруг схватил его, крепко прижав к себе. Крупные слёзы покатались из его глаз, быстро и часто, падая на шерсть Бай Цзыму ещё тёплыми.

Бай Цзыму замер, позволяя ему обнимать себя некоторое время, затем потянул его за одежду и указал на кухню.

Цзян Сяои всё понял, покачал головой и хрипло сказал:

— Я не могу есть.

Бай Цзыму потрогал свой живот, потом закатил свои маленькие глазки и упал на землю.

Цзян Сяои моргнул покрасневшими глазами.

— Я не упаду в обморок от голода.

«Ты что, супермен?»

Бай Цзыму пристально смотрел на него некоторое время. Он был в полном отчаянии. Он пытался его убедить, но тот не слушал. Что тут поделаешь?

Цзян Сяои сильно плакал. На его губах виднелись синяки, а на лице — несколько заметных царапин. Волосы были в беспорядке. Он выглядел жалко и потрепанно.

Любой другой на месте Бай Цзыму, увидев его в таком состоянии, наверняка бы проникся сочувствием. Но Бай Цзыму, подумав, что этот гэ'эр, возможно, уже испытывает к нему какие-то чувства, понял, что если он сейчас начнёт его утешать, это будет равносильно самоубийству. Он и так ничего не делал, а Цзян Сяои уже успел в него влюбиться. Если он проявит ещё немного заботы, Цзян Сяои, вероятно, влюбится в него без памяти и будет готов на всё.

Люди и демоны не могут быть вместе, как такое допустить!

Но возвращаться и «спать дальше», оставив молодого гэ'эра рыдать в одиночестве, словно вдовец на могиле, казалось как-то не по-человечески. Он не был таким уж бесчувственным.

Бай Цзыму метался между желанием уйти и остаться. Возможно, виной тому была его потрепанная одежда и мозолистые, совсем не юношеские руки, которые вызывали искреннее сострадание.

В конце концов Бай Цзыму со вздохом смирился. Он упёр обе лапы в свою широкую талию и

начал вилять попой. Сделав несколько движений, он поднял лапы вверх и принялся кружиться: три круга влево, три круга вправо.

Круглый и пушистый, он выглядел в танце до смешного нелепо.

Цзян Сяои смотрел на него, опешив, а потом не выдержал и прыснул со смеху.

Этой ночью Цзян Сяои спал беспокойно. Едва рассвело, он проснулся. Переживая за Цзян Сяоэра, он наспех умылся и, взвалив на спину Цзян Сяосаня и Бай Цзыму, отправился в город.

Цзян Сяоэр очнулся только к полудню. Доктор Цзян долго щупал ему пульс и сказал, что его состояние ещё не стабилизировалось, и лучше бы ему остаться в лечебнице на пару дней.

В этот раз Цзян Сяоэр буквально побывал на том свете. Доктор Цзян снова и снова наставлял Цзян Сяои, чтобы тот был осторожнее впредь. Тело Цзян Сяоэра было слабым, не как у других детей, и в следующий раз ему может так не повезти.

Цзян Сяои кивнул и, сжав пальцы, спросил:

— Доктор, сколько примерно будет стоить лечение за эти дни?

Когда Цзян Сяоэра привезли в тот день, отец Цзян и Цзян Сяои сразу же понесли его в город. В Пиньяне было всего две лечебницы, и в другой цены были выше, поэтому отец Цзян выбрал Зал Цзиши.

За пять лет лечения, когда пациентов было немного, доктор Цзян успевал поговорить с Цзян Сяои и знал о положении их семьи.

— За осмотр я денег не возьму, — сказал доктор Цзян, — но лекарства из запасов зала. В этот раз прописаны дорогие.

Зал Цзиши и таверна «Фулай» принадлежали семье Чжао. Доктор Цзян был нанят ими для врачевания. Он не мог распоряжаться лекарствами по своему усмотрению. Если бы речь шла о небольшом количестве, он бы мог возместить из своего кармана, но в этот раз, по его прикидкам, требовалось около половины ляна серебра — сумма немалая. Он и сам должен был содержать семью и помочь не мог.

Цзян Сяоэр, очнувшись и увидев Бай Цзыму и Цзян Сяосаня, сразу повеселел. Цзян Сяосань прижался к нему и что-то рассказывал.

— Второй брат, тебе всё ещё плохо?

Цзян Сяоэр кашлянул и покачал головой:

— Уже нет.

Глаза Цзян Сяосаня снова покраснели.

— Но... но Сяосань видел, как ты кашлял кровью.

Лицо Цзян Сяоэра всё ещё было бледным, но он, кажется, уже забыл о боли и начал хвастаться:

— Не бойся, младший брат. Я специально кашлянул кровью, чтобы напугать госпожу Хуан. Я подумал, что госпожа Хуан хоть и большая, но трусливая. Хотел её напугать. И как видишь, она и правда испугалась.

Сказав это, он хихикнул, на щеках появились глубокие ямочки. Он выглядел беззаботно, словно вчерашний полуживой человек был не он.

Цзян Сяои подошёл и сел на край кровати. Он погладил мягкие волосы Цзян Сяоэра, и его сердце, бывшее в напряжении всю ночь, наконец, успокоилось. Он тихо сказал:

— Прости.

— А? Старший брат... — Цзян Сяоэр поднял на него голову.

Цзян Сяои погладил его худенькое, не больше паровой булочки, лицо и сказал:

— Это всё из-за меня. Это я виноват.

Цзян Сяоэр насупился, залез к Цзян Сяои на колени, долго тёрся о него и сказал:

— Старший брат говорит глупости. Это госпожа Хуан меня била, старший брат тут ни при чём.

— Но...

— Не виноват старший брат, значит, не виноват. Сяоэр ещё маленький и не может помочь старшему брату. Когда Сяоэр вернётся домой, он будет много-много есть, вырастет большим, и если они снова будут обижать старшего брата, Сяоэр их побьёт. Одним ударом — одного, чтобы

они улетели далеко-далеко, — говоря это, Цзян Сяоэр так увлёкся, что даже выпятил свою маленькую грудь.

Отец Цзян, стоявший рядом, улыбнулся.

Цзян Сяоэр не знал, чем болен. Иногда, когда уколы были особенно болезненными, он жалобно спрашивал Цзян Сяои, когда же его болезнь пройдёт и ему больше не нужно будет терпеть уколы. Цзян Сяои всегда утешал его, говоря, что когда он вырастет, всё пройдёт.

Цзян Сяоэр поверил. Он думал, что если будет много есть, то станет сильным, как герой, непобедимым.

Отец Цзян не спал всю ночь, не отходя от кровати. Теперь под его глазами залегли тёмные круги. Цзян Сяои попросил его вернуться домой, сказав, что он сам справится.

Цзян Сяоэр очнулся, и отец Цзян, подумав, решил вернуться.

Вернувшись в деревню, он зашёл домой, но вскоре вышел из двора и направился прямо к дому семьи Хуан, устроив там скандал.

Если бы дело дошло до драки, трое мужчин из семьи Хуан, конечно, не испугались бы. Но за отцом Цзяном шла целая толпа любопытных. Отец Цзян пришёл не за этим, он лишь требовал, чтобы госпожа Хуан извинилась перед его гэ'эром и сыном.

Госпожа Хуан уже заплатила деньги и не собиралась кланяться какому-то юнцу. Она даже хотела, чтобы её старший сын выгнал отца Цзяна. Но отец Цзян молча достал топор, и молодой Хуан не решился подойти.

Отец Цзян был человеком мягкого характера и раньше никогда ни с кем не ссорился. Но за последние несколько лет ему приходилось спорить с людьми чаще, чем за предыдущие тридцать лет. Всё ради того, чтобы заступиться за Цзян Сяои. Он обычно был в горах, и если узнавал, что Цзян Сяои с кем-то поссорился, всегда шёл разбираться.

Сегодня, как только он вернулся, все, увидев его, пошли за ним.

Большинство жителей деревни были людьми здравомыслящими. Семья Цзян хоть и была бедной, но когда у кого-то в деревне случалась беда или радость, отец Цзян и Цзян Сяои всегда приходили на помощь без приглашения. Если у кого-то было радостное событие, его обычно устраивали, когда не было полевых работ. Но похороны не выбирают время. Прошлой осенью, во время сбора урожая, умер старик из семьи Чжоу. Жители деревни были заняты на полях, а семья Чжоу была маленькой. Им нужно было и гостей принимать, и поминальную службу проводить. Они просто не справлялись. Тогда Цзян Сяои сам пришёл и помог готовить еду. Когда нужно было копать могилу, семья Чжоу обошла все дома, но в итоге пришло всего шесть

человек, среди которых были отец Цзян и его старший брат.

Сейчас супруг из семьи Чжоу стоял во дворе дома Хуан и кричал на госпожу Хуан.

— Избить чужого сына до полусмерти, и не извиниться? Ты ещё смеешь говорить о каких-то бобах?

Многие в деревне тоже возмутились. Семье Хуан ничего не оставалось делать. Когда Цзян Сяоэр вернулся, госпожа Хуан с кислой миной подошла к их дому. Но не успела она и рта раскрыть, как Цзян Сяосань, увидев её, взорвался.

— Ты опять хочешь бить моего второго брата? — он, как маленький снаряд, ворвался во двор, схватил полено и, выбежав, злобно уставился на госпожу Хуан. — Уходишь или нет? Иначе Сяосань тебя побьёт так, что из тебя всё дерьмо вылезет.

Цзян Сяоэр выглянул из-за спины Цзян Сяои, помахал маленьким кулачком и, глядя на госпожу Хуан, крикнул:

— Не уйдёшь, я опять кровью кашлять буду!

Бай Цзыму молчал. «...»

Госпожа Хуан поспешно убежала. Теперь, при виде Цзян Сяоэра, она вспоминала о своих пятистах вэнях, и её сердце сжималось от боли.

Этот инцидент прошёл, как короткая заминка в жизни. Вечером, когда Цзян Сяоэр вернулся, старшая ветвь семьи, соседняя семья Цянь и гэ'эр Ван принесли им несколько яиц. Двоюродная бабушка, обнимая Цзян Сяоэра, не переставала плакать, говоря, что он её до смерти напугал.

— Сяоэр, впредь будь послушным, не пугай так больше бабушку.

Цзян Сяоэр вытер ей слёзы и, надув губки, поцеловал её.

— Угу! Сяоэр будет слушаться, бабушка, не плачь.

Когда двоюродная бабушка и гости ушли, Цзян Сяои пошёл поливать овощи на огороде. Отец Цзян, подумав, что Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань целый день ничего не ели, разбил два яйца, добавил полмиски воды, увидел, что в солонке осталась щепотка соли, и посыпал ею. Когда он ставил яйца на пар, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, забыв про игры, столпились на кухне и, как зачарованные, смотрели на кастрюлю.

Когда яйца приготовились, их получилась полная миска. Отец Цзян отложил несколько ложек для Цзян Сяои, а остальное разделил на две миски, остудил и поставил на стол перед Цзян Сяоэром и Цзян Сяосанем.

Дети хотели накормить его, но отец Цзян, улыбнувшись, покачал головой.

— Отец не любит яйца, вы ешьте.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань поверили ему и с радостью принялись за еду. Отец Цзян сидел рядом и смотрел, как они, сидя на маленьких табуретках, с аппетитом едят, болтая ножками. Когда они закончили, то даже вылизали миски дочи́ста. Было видно, что они не наелись. Они время от времени поглядывали на миску, оставленную для Цзян Сяои, но не просили ещё.

У отца Цзяна вдруг зашипало в глазах. Это он был виноват, что дети с ним так страдают.

— Ещё хотите? — он пододвинул миску, оставленную для Цзян Сяои, к детям. — Если хотите, ешьте. Я потом вашему старшему брату ещё приготовлю.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань дружно замотали головами.

— Не будем больше, это надо оставить старшему брату.

Отец Цзян погладил их по головам. Вдруг его потянули за штанину. Он посмотрел вниз и увидел Бай Цзыму.

— Что такое?

Бай Цзыму указал в сторону заднего двора.

Отец Цзян нахмурился, не понимая. Он редко бывал дома и мало общался с Бай Цзыму.

Цзян Сяоэр, облизывая губы, сказал:

— Отец, Мишка хочет какать.

Отец Цзян понял.

— О, тогда отец его отнесёт. Вы ждите в доме.

Туалет в доме Цзянов был на заднем дворе. Это была просто большая яма, над которой лежало

несколько досок. Чтобы мухи не залетали, Цзян Сяои всегда держал дверь туалета закрытой. Поэтому Бай Цзыму, как бы ему ни хотелось, каждый раз, когда ему нужно было по нужде, приходилось просить, чтобы его отнесли.

Из-за задержки в несколько дней соевые бобы на поле так и не были посажены. Вернувшись, Цзян Сяои целыми днями пропадавал на работе. Отец Цзян с Цзян Сяосанем помогали ему несколько дней. Едва они закончили с бобами, как на поле созрела вигна.

Её было слишком много, чтобы съесть, а эта партия была последней и росла не очень хорошо. Продать её в городе было бы трудно. Цзян Сяои решил сорвать её и засушить. Поэтому он не пошёл с отцом Цзяном рубить дрова.

Сушить вигну было просто: помыть, бланшировать в горячей воде, а затем разложить на бамбуковых циновках и сушить на солнце. Когда нужно будет приготовить, достаточно замочить её в воде. Её можно было и жарить, и варить.

Утром был сильный туман, и Цзян Сяои подумал, что день будет ясным. Он собрал всю вигну с поля. Некоторые стручки были покусаны насекомыми, их нужно было обломать. Он принёс две корзины, высыпал их во дворе и попросил Цзян Сяозэра и Цзян Сяосаня помочь. Но едва он поставил на огонь кастрюлю с водой, как Цзян Сяосань, держа в руке стручок, вбежал в дом.

— Старший брат, кажется, дождь собирается.

<http://bllate.org/book/13701/1586532>